

Олег ГУБАРЬ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗАБЫТЫХ ОДЕССИТОВ

"Наши садовые музыкальные удовольствия"

То были, собственно говоря, единственные развлечения большинства одесситов на протяжении всего XIX столетия. Духовые и инструментальные оркестры улаждали горожан в Казенном саду, на Приморском бульваре, в Пале-Рояле, а летом еще и на открытых публике обширных приморских дачах — "Бель-вю" (Ланжерон), "Флора", Лидерса, Роте и проч. Инструментальные коллективы, как правило, превосходили духовые по уровню музыкальной грамотности и исполнительского мастерства. В этом нет ничего удивительного, поскольку вторые представляли собой собственно "хоры военной музыки", где не так часто встречались профессионалы. Однако руководители, военные капельмейстеры, обычно демонстрировали как раз высочайший профессионализм, занимались аранжировкой тогдашних "хитов" — фрагментов опер, оперетт, народных песен, романсов, танцев, маршей и проч., сами много писали, умели в короткие сроки обучить новобранцев.

В престижных заведениях и садах первенствовали (1860-1870-е), конечно, инструменталисты — оркестры бывших музыкантов Городского театра Розетти, Прауса, Лупашко, Банкевича, выступавшие в знаменитой реставрации Алексея, в саду Благородного собрания и т. п. Здесь же садились зарубежные мастера, такие голландцы, как, например, "Филармония-Германия", национальный венгерский оркестр под управлением Балаша Кальмана, "Общество тирольских немцев", давали сольные концерты лучшие одесские скрипачи Жорж Франк и Карл Бабушка.

Несмотря на довольно устойчивые классические музыкальные традиции — Городской театр функционировал во временном помещении еще до постройки собственного здания, с середины 1800-х, — массовая культура оставалась потребительской. Как отмечали местные СМИ, ремесленные головы выдают "аттестат на звание мастера музыкального искусства", опираясь на экспертов в лицах сапожника, портного, маляра и столяра, причем экзамен заключается в прослушивании исполняемой испытуемым песни "Во поле березка стояла". "Не говоря о садах и цирке, где действуют оркестры гг. Розетти, Прауса, Лупашки и др., — сообщает в "Одесском вестнике", — все трактирные заведения снабжены музыкантами. Еще в отдалении можно услышать эту музыку, выполняемую с особым азартом: СКРЫПКА, кларнет, флейта, труба, бас и неизменный барабан — дают о себе знать. Заезжий, пожалуй, подумает, что Одесса музыкальнейший город в Европе. Между тем, если приходится приискать сносный небольшой оркестр, могущий сыграть толково ТАНЦОВАЛЬНУЮ пьеску, то это достигается только при особой старательности и хождении. И это там, где чуть-чуть не существует консерватория?"

Александр Людвигович Бернарди, о котором я хочу немного рассказать, — из тех подвижников, которые самозабвенно внедряют культуру в массы. Сын купца итальянского происхождения, он получил превосходное музыкальное образование, и в середине 1870-х управлял дивизионным духовым военным оркестром. Композитором и капельмейстером (плюс дирижером в Городском театре, а далее в частной опере в Москве) был и его сын Александр Александрович (1867-1943). Вообще говоря, семейство Бернарди прославилось тем, что в 1885 году учредило собственную нотопечатню — первую или, по крайней мере, одну из первых на Юге России. Другие аспекты их вкрапленности в общественный быт исследователей как-то не интересовали. А между тем роль Бернарди в эволюции музыкальной культуры Одессы довольно значима.

Имея в своем распоряжении посредственных, а то и откровенно слабых исполнителей, солдат, А.Л. Бернарди очень умело распорядился этими минимальными ресурсами. Разумеется, он стремился натаскать их в короткие сроки, за один год, однако и тогда оставались, казалось, неразрешимые проблемы. Действительно, как он мог конкурировать с зарекомендовавшими себя профес-

сионалами высокой пробы? Талантливый, трудолюбивый, изобретательный итальянец нашел другие возможности. Прежде всего, он тщательно подбирал репертуар, рассчитанный на широкого потребителя, от знатока оперной классики до любителя экзотического фольклора. Но при этом предумышленно избегал отдельных произведений, технически неподвластных его нижним чинам. Тем не менее, в репертуар его оркестра входили попури из опер "Гугеноты", "Аида", "Жизнь за царя", "Фауст", "Норма", "Травиата" и др., знаменитая увертюра из "Вильгельма Телля", "Комаринская" Глинки и т. д., не говоря уже о многочисленных маршах, польках, кадрилих, мазурках, включая написанные собственноручно, так сказать, на злобу дня.

Следующее мое заявление может показаться читателю слишком смелым, неправдоподобным, некорректным, и тем не менее, я утверждаю, что именно Бернарди впервые (вероятно, не только в Одессе) ввел в широкий обиход эстрадные световые и звуковые эффекты, а равно элементы джазовой культуры, по существу, сделался шоуменом. Эти нововведения, конечно, воспринимались консервативной частью общества неоднозначно, часто негативно. "Исполняя самые антимузыкальные вещи, — возмущается один из корреспондентов, — он освещает себя бенгальскими огнями, пускает ракеты, заставляет музыкантов петь, мяукать и т. п., чем и вызывает неистовые восторги неприхотливой толпы". В другой рецензии коллектив Бернарди именуют "военной бандой", что весьма показательно. Действительно, слова "банда" и "бандит" в русском лексиконе тогда в принципе не употреблялись, по крайней мере, в позднейшем своем значении. То есть "военная банда" в данном хронологическом контексте, пожалуй, сродни какому-нибудь джаз-бэнду. Банде Бернарди в печати противопоставляют выступавший в саду реставрации А.Ф. Алексея, рафинированный оркестр Иоганна Фидмана, преемника упоминавшегося Анатолия Банкевича, способнейшего музыканта, умершего от хохотки на 34-м году жизни.

В конце концов, Бернарди решил публично объяснить как со своими почитателями, так и с хулителями. "Люди, составляющие военный оркестр, — пишет он в "Одесском вестнике", — не артисты, а простые музыканты, начавшие музыкальную школу с азбуки и через год ученья поступившие в хор; каких же достоинств можно требовать от них? Публика хорошо понимает, что дивизионный хор трудится и старается по возможности лучше исполнять свои песни и тем угодить ей". Что касается серьезности обучения солдат, оно подтверждается перечисленным выше классическим репертуаром.

Полемика в прессе продолжалась. Из нее мы, в частности, узнаем от сторонников, что А.Л. Бернарди "давно и серьезно занимается музыкой, написал и напечатал более 200 сочинений (некоторые в Одессе)", что он "имеет дело с совершенно сырым в музыкальном смысле материалом — русскими солдатами". "Что касается до антимузыкальных эффектов, — продолжает автор одной из заметок, — то вкус большинства публики вынуждает прибегать к ним обоим нашим капельмейстерам".

До создания собственной печатни Бернарди пользовался услугами других одесских издателей. Специально сочиненная им увертюра исполнялась еще осенью 1874 года на открытии театра Великанова — будущего Русского драматического театра имени Иванова. Его марши, мазурки, польки и проч. постоянно звучали в одесских клубах. Постепенно Бернарди отошел от активной концертной деятельности, как бы передав полномочия талантливому сыну, сосредоточился на издании и реализацией нот. Как владельцы местной "нотопечатной фабрики" семейство Бернарди упоминается в числе жертвователей на Пушкинское убежище тружеников печатного дела в Одессе. Александр Людвигович ушел из жизни 9 марта 1889 года, фирму унаследовала супруга Елисавета Павловна.

На могильной плите были выгравированы ноты — очевидно, фрагмент одного из произведений Бернарди. Мне кажется, было бы очень уместно вспомнить об этом человеке на ежегодно проводящихся в нашем городе театральном (как раз в помещении Русского театра) и джазовом фестивалях исполнением избранных его музыкальных миниатюр.

Чиновник по особым поручениям

Егор (Георг) Васильевич Зонтаг (1786-1841), рельефный персонаж ранней истории Одессы, военный моряк, впоследствии гражданский чиновник в штате графа М.С. Воронцова. Американец немецкого происхождения, уроженец Филадельфии, сын активного участника войны за независимость США, штурман американского корабля "Оса", Зонтаг в 1811 году поступил в российский Черноморский флот в чине лейтенанта. Два года спустя перешел в Дерптский конно-егерский полк, участвовал в европейских походах и сражениях, в 1814-м в составе союзных войск вступил в Париж уже в чине майора. В это время и завязались дружеские отношения с Воронцовым и другими видными офицерами.

По окончании военных действий Зонтаг, отмеченный наградами, в том числе орденом Св. Владимира 4-й степени, получил двухлетний отпуск, предположил съездить на родину. Тут-то и начались невероятные приключения в духе Стивенсона и Сабатини. Политическая ситуация тогда явно не благоприятствовала его намерениям, поскольку Англия вступила в открытую конфронтацию с Северо-Американскими Штатами, а Россия в тот период была ее союзницей. Появление русского строевого офицера в Филадельфии могло быть неверно истолковано в дипломатических кругах. Поэтому британский министр иностранных дел Р.С. Каслри препятствовал Зонтагу в получении разрешения на отплытие.

Повидавший виды на суше и на море боевой офицер, однако, нашел выход из положения. Проведав о том, что в Нанте стоит на якоре корсарский корабль из Америки, он решительно туда направился, просто-напросто купил это судно и таким образом сделался корсарским капитаном. Затем Зонтаг смело пересек Атлантику, причем неоднократно вступал в бой с англичанами, стремившимися ему помешать, и даже топил их парусники. Встреча с отчим домом уже маячила на горизонте, но тут, как водится в пиратских романах, взбунтовалась команда. Причины, вероятно, в том, что моряки небезосновательно опасались преследований на родине. Разношерстный экипаж принудил капитана повернуть в Сан-Сальвадор. Здесь, впрочем, дело решалось законным порядком, и Зонтаг выиграл судебную тяжбу против подчиненных. Тем не менее, после всех означенных событий ему самому стало ясно, что с визитом в Филадельфию придется повременить.

"Корсар в отставке" направился в Рио-де-Жанейро, где находилась резиденция российского консула, причем пост сей, по счастью, занимал тогда блистательный человек — опытный дипломат, ученый, путешественник Г.И. Лангсдорф. Довольно сказать, что он был участником экспедиции И.Ф. Крузенштерна. Консул и в самом деле принял нашего скитальца с распростертыми объятиями, подивился его приключениям и, не скрывая восхищения, докладывал об этом знакомстве в Коллегию иностранных дел. Лангсдорф представил Зонтага американскому посланнику в Бразилии Т. Самтеру, помог продать "пиратский корабль" и вернуться в Россию.

С 1816 года Зонтаг снова служил на судах Черноморского флота, а в 1817-м женился на Анне Петровне Зонтаг, урожденной Юшковой, известной впоследствии детской писательнице, племяннице В.А. Жуковского. Чета Зонтагов некоторое время прожила в Николаеве, а затем (не позднее 1825 года)

капитально обосновалась в Одессе. Им принадлежал дом в будущем Воронцовском переулке и обширный загородный хутор, которые посещал В.А. Жуковский и многие другие известные исторические персонажи. В чине капитан-лейтенанта Зонтаг служил командиром одесского карантинного порта, затем был инспектором портового карантинного, чиновником по особым поручениям при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе, членом Комиссии новороссийских пароходов (директором Компании Черноморского пароходства — до 8 февраля 1838 г.), исполнял обязанности градоначальника с 16 апреля по 1 августа 1831 года, действительно участвовал в организации госпиталей и снабжении действующей армии в ходе русско-турецкой кампании 1828-1829 годов, ликвидации чумных эпидемий 1829 и 1837 годов, состоял пайщиком Компании артезианских колодезь, занимался благотворительностью. Любопытно, что, принимая от левантских мореходов крайне дефицитный в городе материал, экзотические породы камня, Зонтаг обнаружил два античных барельефа, которые передал в местный музей древностей. Благодаря участию Воронцова, он получил несколько внеочередных повышений, надо отметить, более чем заслуженных.

Посетивший Одессу в 1835 году американский путешественник гостил в доме и на хуторе Зонтага, рассказывал о собранной хозяином превосходной "американской библиотеке", включавшей массу свежих периодических изданий, справочников, карт, гравюр, книг Ф. Купера, В. Ирвинга и др. Выписывая американские книги и периодику, Егор Васильевич, в свою очередь, отправлял в Филадельфию "Одесский вестник". Дочь Зонтагов хорошо владела английским, спела гостю "Вива, Колумбия" и "Янки Дудль", аккомпанируя себе на рояле. Мария Егоровна Зонтаг вышла замуж за австрийского консула в Одессе, доктора юриспруденции Людвига Леопольдовича фон Гутманстала, дружила с Львом Сергеевичем Пушкиным, написала очерк "Поединок и кончина Пушкина на итальянской сцене", очень активно сотрудничала в Одесском женском благотворительном обществе.

И еще характерный эпизод. Осенью 1826 года у одесских берегов разыгрался свирепый шторм, сорвавший с якорей и бросивший на мель военный транспорт "Успех". Все меры, употребленные офицерами военной бригады для снятия корабля с мели, оказались тщетными. Опытные навигаторы собрались на совещание, ничего дельного придумать не могли, а тем временем судно подвергалось все большей опасности. Тут некий умник из руководства флотом "предложил только ко всеобщему удивлению употребить паровую машину для очистки фарватера и проводки транспорта в гавань". В таком положении, — сообщается далее в архивном документе, — капитан одесского карантинного порта флота капитан-лейтенант Зонтаг оказал важное пособие своими сведениями и опытностью. Он тотчас по призыву его решительно и благоразумною мерою, без всяких издержек спас транспорт, поворотив оный на бок и таким образом проведя его по мели". Тогда-то Воронцов и ходатайствовал впервые о поощрении отличившегося офицера чинами.

Известно, что, как и многие представители его круга, Зонтаг состоял членом одной из масонских лож — по крайней мере, до их официального запрещения в 1822 году. О кончине его местная газета лишь упоминает, некролога в полном смысле этого слова не поместили. Могила в середине 1930-х уничтожена в числе многих тысяч других могил Старого кладбища. Когда разыскал об этом ярком человеке, невольно вспоминаю пушкинские строки: "Завидую тебе, питомец моря смелый..."

Электронный справочник "Они оставили след в истории Одессы" выпущен Всемирным клубом одесситов совместно со студией "Нулевой километр". В справочнике 750 авторских текстов, посвященных ученым, писателям, художникам, спортсменам, прославившим наш город. Приобрести диск можно в студии "Нулевой километр", которая располагается в помещениях Всемирного клуба одесситов на ул. Маразлиевской, 7.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067 48 03 705).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.